

Елена Сокол

ХОРОШАЯ МАТЬ

18+

Елена Сокол

Хорошая мать

<https://litres.ru/74625842>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она хотела этого ребёнка. Ждала его. Представляла, как будет держать на руках, целовать маленькие пальцы и наконец поймёт, что такое безусловная любовь.

Но никто не предупредил её, что любовь может не прийти.

Вместо неё пришли бессонные ночи, холодный кофе, ненависть к собственному отражению и мысли, в которых страшно признаться даже самой себе.

Муж продолжал жить почти прежней жизнью. Мир требовал от неё счастья. А она всё чаще смотрела на своего ребёнка и думала о вещах, за которые хороших матерей принято ненавидеть.

Это история женщины, которая мечтала стать матерью, а после родов начала терять себя. История брака, в котором двоим придётся заново учиться быть родителями. И послеродовой депрессии, о которой обычно предпочитают молчать.

«Хорошая мать» — роман о том, что самые страшные мысли иногда рождаются там, где все ожидают увидеть только любовь.

Содержание

Глава 1. Возврату не подлежит	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Елена Сокол

Хорошая мать

Глава 1. Возврату не подлежит

7 ноября, вторник. 11:42. День выписки

Сегодня меня выписывают из роддома, и я совершенно счастлива. По крайней мере, именно так я выгляжу на фотографиях, которые Дима уже отправил приблизительно всем родственникам, включая троюродную сестру из Самары, с которой мы последний раз виделись на нашей свадьбе.

На фотографиях я стою с огромным букетом белых роз, держу свёрток с нашим сыном и улыбаюсь так, словно последние три дня провела в хорошем спа-отеле, а не в учреждении, где совершенно незнакомые люди регулярно осматривали мою промежность.

Дима очень доволен снимками. Особенно тем, где мы втроём стоим у стены с воздушными шарами и надписью «Спасибо за сына!».

Надпись придумала Валентина Петровна.

Я не стала спрашивать, кому именно адресована благодарность и почему никто не додумался поблагодарить меня за двадцать часов схваток, разрывы и геморрой. Наверное, по-

тому, что фраза «Спасибо, что выжила!» смотрелась бы на праздничном баннере несколько тревожно.

Впрочем, сегодня я действительно счастлива. У нас родился сын. Наш сын. Я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что могу произнести эти слова и они окажутся правдой.

Мы хотели его почти два года.

Я покупала тесты на беременность в таком количестве, что фармацевт в аптеке возле дома однажды спросила, не выгоднее ли мне приобрести их оптом. Каждый месяц я прислушивалась к своему организму, находила у себя все возможные признаки беременности, а потом сидела на краю ванны с очередным отрицательным тестом и убеждала себя, что ничего страшного, в следующем месяце обязательно получится.

Когда появились две полоски, я сначала решила, что тест бракованный. Сделала второй, потом третий и только после этого разбудила Диму.

Он долго смотрел на три мокрые пластиковые палочки, разложенные на раковине, а потом спросил, что они означают.

Человек, способный за одну ночь разобраться в новом языке программирования, оказался совершенно не подготовлен к двум розовым полоскам.

Потом он обнял меня, и мы оба расплакались.

Это было настоящее счастье. Я точно помню.

Наверное, поэтому мне так хочется удержать сегодняшнее

чувство. Запомнить его целиком, со всеми деталями, прежде чем начнётся наша новая жизнь.

Сын спит у меня на руках. Дима разговаривает по телефону с матерью и уже третий раз повторяет, что мы скоро приедем. Я смотрю на крошечное лицо под белой шапочкой и пытаюсь понять, как внутри меня мог вырасти целый человек.

Правда, этот человек почему-то похож на Валентину Петровну.

Я надеюсь, что это временно.

7 ноября, вторник. 19:26

Мы дома.

Я ждала этого момента три дня, но теперь, когда он наконец наступил, не совсем понимаю, что делать дальше.

В роддоме всё было организовано довольно удобно: если ребёнок кричал слишком долго, можно было позвать медсестру. Она приходила, уверенно брала его на руки, совершала несколько загадочных манипуляций и возвращала мне относительно спокойного младенца.

Дома медсестёр нет.

Я проверила.

Дима занёс сумки в спальню, поставил цветы в вазу, сфотографировал сына в кроватке и сказал:

— Ну всё, теперь можно выдохнуть.

Я посмотрела на него с некоторым удивлением, потому что лично мне дышалось гораздо тяжелее, чем в роддоме.

Возможно, дело в том, что там я хотя бы знала, когда принесут ужин.

— Что будем есть? — спросил Дима.

Я пожала плечами.

— Не знаю.

— Может, закажем пиццу?

Я согласилась. Мы заказали большую пепперони, включили сериал и даже успели посмотреть первые семь минут, прежде чем сын проснулся и потребовал грудь.

Кормление заняло сорок минут. Потом он срыгнул мне на футболку, пришлось переодеваться, затем менять подгузник, а потом кормить снова, потому что, видимо, всё съеденное в первый раз не пошло в зачёт.

Когда я вернулась в гостиную, Дима доедал последний кусок.

— Тебе оставить? — спросил он, указывая на коробку.

В коробке лежала одна корочка.

Я сказала, что не голодна.

Это была ложь, но почему-то мне стало стыдно просить его заказать ещё что-нибудь.

Дима поцеловал меня в макушку и сказал, что я молодец.

Я спросила за что.

— Ну как за что? Ты же мама теперь.

Интересно, как долго меня будут хвалить просто за то, что я мама, прежде чем выяснится, что я совершенно не умею ею быть.

8 ноября, среда. 02:14

Первую ночь дома я представляла себе совершенно иначе.

В моём воображении мы укладывали сына в кроватку, целовали друг друга, выключали свет и засыпали, счастливые и немного уставшие. Возможно, я даже собиралась проснуться ночью от тихого сопения младенца, покормить его при свете маленького ночника и снова уснуть.

Не знаю, откуда взялась эта картина. Вероятно, из рекламы детской мебели, где матери всегда выглядят так, словно у них есть личный косметолог, домработница и восемь часов непрерывного сна.

В реальности сын отказался лежать в кроватке приблизительно через сорок секунд после того, как мы его туда положили.

Дима предположил, что ему неудобно.

Мы поправили простыню.

Сын продолжил плакать.

Дима предположил, что он голодный.

Я покормила.

Сын продолжил плакать.

Дима предположил, что у него болит живот.

Мы погладили живот.

Сын продолжил плакать.

После этого Дима сказал, что завтра ему рано вставать, и предложил мне попробовать походить с ребёнком по квартире.

Я спросила, почему именно мне.

— Ну он же у тебя успокаивается.

Это была неправда. Он вообще ни у кого не успокаивался, просто у меня была грудь, поэтому мои шансы казались Диме несколько выше.

Сейчас я хожу по спальне с сыном на руках, а муж спит. Иногда он переворачивается и тяжело вздыхает, давая понять, что плач мешает ему отдыхать.

Я смотрю на него и впервые за всё время нашего брака испытываю что-то похожее на зависть.

Не к его работе, не к его деньгам, не к возможности ходить в туалет с закрытой дверью, хотя последнее уже кажется невероятной роскошью.

Я завидую тому, что он может просто решить лечь спать.

Мне почему-то никто не сообщил, что после рождения ребёнка это перестанет быть моим личным решением.

8 ноября, среда. 09:57

Дима ушёл на работу, предварительно сообщив, что почти не спал и сегодня будет совершенно разбит.

Я промолчала, потому что в этот момент кормила сына и боялась, что, если открою рот, оттуда вылетит что-нибудь, способное положить конец нашему браку на второй день после выписки.

Перед уходом Дима поцеловал нас обоих и спросил, какие у нас планы.

Я сказала, что собираюсь покорить мир.

Он засмеялся и ушёл.

Судя по всему, мой юмор ещё функционирует. Хорошая новость, учитывая, что остальные части организма постепенно отказывают.

В половине десятого я решила позавтракать. Поставила чайник, достала хлеб, сыр и масло, приготовила себе кофе и даже села за стол.

В этот момент сын проснулся.

Я взяла его, покормила, поменяла подгузник, снова покормила и сорок минут пыталась переложить в кроватку. Каждый раз, когда его спина касалась матраса, он открывал глаза и начинал кричать так, будто я собиралась оставить его в лесу.

В одиннадцать я вернулась на кухню.

Кофе был холодным, хлеб засох, а масло окончательно растаяло.

Я съела бутерброд стоя.

Почему-то расплакалась.

Не из-за бутерброда, конечно. Хотя, возможно, именно из-за него. В последнее время мне трудно определить, какое событие заслуживает слёз, а какое нет.

8 ноября, среда. 21:08

Дима вернулся в семь.

Я ждала его с пяти.

Это довольно унижительное признание для женщины, которая ещё месяц назад гордилась своей независимостью и

считала, что не должна строить жизнь вокруг мужчины.

Теперь я строю её вокруг времени, когда этот мужчина откроет входную дверь.

Я услышала ключ в замке и почувствовала такое облегчение, словно приехала скорая помощь.

— Привет, мои хорошие! — сказал Дима, снимая ботинки.

Он выглядел уставшим, но вполне живым. На нём была чистая рубашка, волосы аккуратно уложены, в руке пакет с продуктами.

Я чуть не заплакала от благодарности, увидев этот пакет.

— Я купил хлеб, молоко и колбасу, — сообщил он. — И себе пиво.

Я спросила, может ли он взять ребёнка, пока я поем.

— Конечно, только дай переодеться.

Он ушёл в спальню.

Потом в туалет.

Потом на кухню за водой.

Потом вспомнил, что нужно ответить на сообщение.

Через двадцать минут я сама принесла ему сына.

Дима взял его, улыбнулся и сказал:

— Ну что, дружище, будем с папой тусоваться?

Я пошла на кухню и впервые за день села есть двумя руками.

Ровно через шесть минут Дима появился в дверях.

— Марин, кажется, он проголодался.

Я посмотрела на сына, которого кормила непосредственно перед приходом мужа.

— Не может быть.

— Ну он рот открывает.

— Дима, он всегда открывает рот. Ему три дня.

— Четыре, — поправил муж.

Я забрала ребёнка.

Дима спросил, почему я такая раздражённая.

Потом поел и ушёл в кабинет.

У него, оказывается, сегодня важный этап разработки игры.

Я спросила, может ли он хотя бы сегодня не заниматься проектом.

— Марин, я же не гулять уйду. Я дома, если что.

Он сказал это так, словно делал мне большое одолжение самим фактом своего присутствия в квартире.

Я хотела ответить, что ребёнок тоже дома, однако это почему-то не позволяет мне заниматься собственными делами.

Но не ответила.

У меня на руках уже плакал сын.

9 ноября, четверг. 04:32

Я всегда думала, что депрессия — это когда человек лежит в постели и не хочет вставать.

Оказывается, можно очень сильно не хотеть вставать и при этом вообще не иметь возможности лечь.

Сегодня ночью я плакала во время кормления. Слёзы тек-

ли по лицу, капали на футболку, а сын спокойно ел, совершенно не интересуясь моим душевным состоянием.

Я понимаю, что он не обязан интересоваться. Ему всего несколько дней. Но всё равно почему-то обидно.

Я посмотрела на него и вдруг поймала себя на мысли, что совершенно ничего не чувствую.

Не любви. Не нежности. Даже раздражения.

Просто смотрю на маленького человека, который сосёт мою грудь, и думаю, сколько ещё минут это продлится.

Потом он отпустил сосок, открыл глаза и посмотрел на меня.

У него глаза Валентины Петровны.

Господи, ну почему именно её?

Я носила его девять месяцев. Меня тошнило по утрам, я плакала от изжоги, просыпалась ночью из-за судорог в ногах и читала по три статьи в день о том, что можно есть беременным. Я разговаривала с ним, когда он был ещё внутри, включала музыку, гладила живот и представляла, какой он будет.

А он родился похожим на женщину, которая однажды подарила мне на день рождения набор кухонных полотенец и потом полгода спрашивала, пользуюсь ли я ими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.